

В начале было Слово,
и Слово было у Бога,
и Слово было Бог.

Православие и культура

Часть 1

ТВОРЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА ДО ГРЕХОПАДЕНИЯ

Глава 1.

Книга Бытия (1:27) говорит о творении Богом человека по Своему образу. Традиционно в понятие «образ» входят такие божественные свойства, как свобода, без которой «нет личности и нет любви; творческие способности человека (так как Сам Господь – Творец неба и земли) и его стремление к совершенству во всех областях».

Венская Книга Бытия

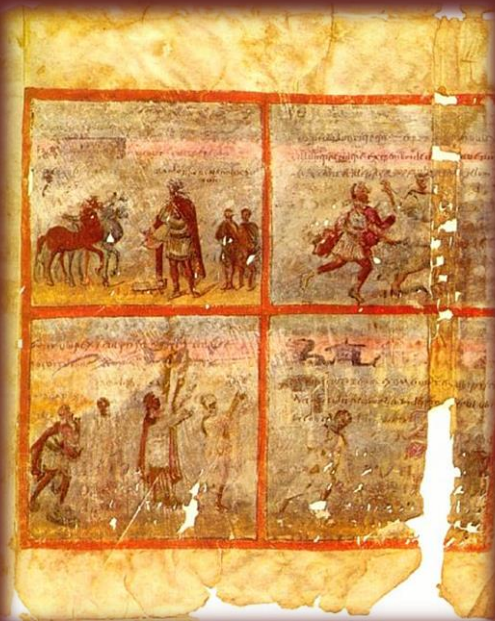
Она была создана в VI веке и по праву считается одним из шедевров мирового искусства. Это кодекс, выполненный с выдающимся мастерством на окрашенном пурпуром пергаменте.

Человек не только был наделен способностью к творчеству, он был призван к развитию в себе этого дара. Так, Господь не просто дал человеку рай во владение, но потребовал возделывания его (Быт. 2:15), хотя все сотворенное Им уже было «хорошо весьма» (Быт. 1:31). Рай не нуждался в том, чтобы его возделывали: он и без

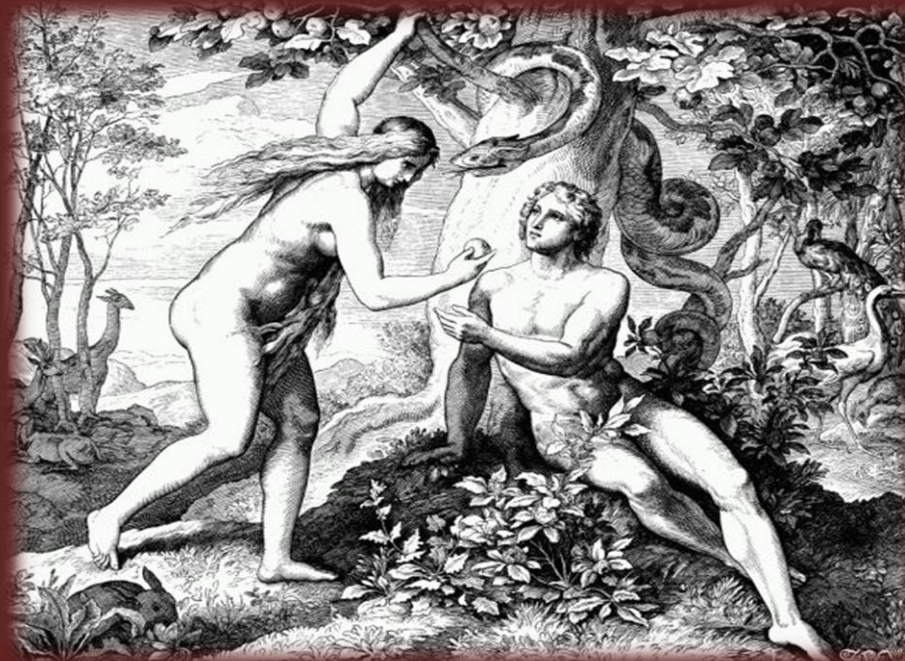
того производил плоды, необходимые человеку. В возделывании рая нуждался сам человек: он должен был научиться творчеству. В отличие от Бога человек не мог творить «из ничего», но он мог совершенствовать Божии дары, доводить их до еще большей красоты и гармонии. Через эту творческую деятельность человек уподоблялся Творцу, возрастая к Божественному подобию. Подобно священнику, который во время Литургии, произнося возглас «Твоя от Твоих», возвращает Богу Его же дары с благодарением, люди были введены в обладание этим миром для того, чтобы через исполнение заповедей возвращать мир, этот дар Божий, Самому Творцу, Который поставил человека господином и царем над мирозданием.

Венская книга «Бытие»

В первых главах Книги Бытия (2:19,20) содержится повествование о том, как Бог привел всех зверей к человеку, чтобы тот дал каждому имя. Имя – символ его носителя, попытка в нескольких звуках охарактеризовать сущность того, кому оно принадлежит. Животное не может дать имя другому живому существу; оно может лишь откликнуться на собственное имя. Человек же способен давать имена всему, что он видит вокруг себя, то есть способен умом проникать в сущность вещей. Не будучи творцом мира материального, мира животных, он становится сотворцом Бога, разделяя с Богом-Творцом

дость обладания миром. И именно благодаря тому, что человек разумен, имеет в себе черты Творческого Начала, Божественного Логоса, он становится царем вселенной.

«Искушение»

Очевидно, что Господь от начала имел некоторый замысел о роли человека во вселенной.

Человек «только» один из всех созданий был наделен, кроме ума и рассудка, еще и чувствами». Они, «естественно соединенные с рассудком, открывали возможность для создания разнообразного множества искусств, наук и знаний. Это было дано только человеку».

Творчество, таким образом, являлось осуществляемым замыслом Бога об Адаме, призыванием и послушанием человека. Именно на исполнение этого замысла и должны были быть направлены все сообщенные Богом человеку качества и способности. «Святой Максим Исповедник с несравненной силой и полнотой обрисовал миссию, возложенную на человека.

Адам должен был чистой жизнью, союзом более абсолютным, нежели внешнее соединение полов, преодолеть их разделение в таком целомудрии, которое стало бы целостностью.

На втором этапе он должен был любовью к Богу, от всего отрешающей и в то же время всеобъемлющей, соединить рай с остальным земным космосом: нося рай в себе, он превратил бы в рай всю землю.

В-третьих, его дух и само его тело восторжествовали бы над пространством, соединив всю совокупность чувственного мира: землю с небесной ее твердью.

На следующем этапе он должен был проникнуть в небесный космос, жить жизнью ангелов, усвоить их разумение и соединить в себе мир умозрительный с миром чувственным.

И, наконец, космический Адам, безвозвратно отдав всего себя Богу, передал бы Ему все Его творение и получил бы от Него по взаимности любви – по благодати – все, чем Бог обладает по природе; так, в преодолении первичного разделения на тварное и нетварное совершилось бы обожение человека и через него – всего космоса.».

...
Дом Лота. Фрагменты миниатюр из Книги Бытия
Котона. VI в...

Венская книга «Бытие»

Из слов святого Максима Исповедника видно, что для исполнения Божественного замысла обожение человека являлось необходимым, так как все остальное мироздание наполнялось Божественной благодатью через него.

Следовательно, главным объектом приложения творческих сил Адама была его собственная личность, его душа. Именно для совершенствования этой личности, этой души и приходил Бог беседовать с Адамом и Евой «в раю во время прохлады дня» (Быт. 3:8), так как «духовная жизнь, – устройство своей личности, высшее творчество человека, – невозможно без помощи свыше».

Глава 2.

СЛЕДСТВИЯ ГРЕХОПАДЕНИЯ И ТВОРЧЕСКИЙ ДАР В ЧЕЛОВЕКЕ

«Добродетель – госпожа таланта.
Талант – слуга добродетели.
Если в доме нет хозяина и всем
распоряжается слуга, то разве
не воцарятся в нем бесовщина
и помрачение?»

Хун Цзычэн

«К тому и служат искусства,
чтобы дать возможность познания добра и зла.»

А. Дюрер

Культурное пространство человечества до грехопадения соединяло все и вся с его источником – Богом. Оно было ограничено только пределами Божественной любви, то есть, по существу, являлось безграничным. Оно составляло часть целого, но не было выделено в нечто отдельное, частное, и потому о культурном пространстве человечества до грехопадения можно говорить лишь условно. Человек воспринимал Божественную благодать и, подобно зеркалу, отражал ее, преображая весь мир.

Грехопадение привело к «опрокидыванию» этого зеркала: ныне в нем стала отражаться сама природа, материя, сам человек. Вместо света Божественной благодати в мир ворвался поток греха и по-своему осветил творение. «Грех вошел туда, где должна была царствовать благодать, и, вместо Божественной полноты, в

творении Божиим разверзается бездна небытия – врата адовы, распахнувшиеся по свободной воле человека.» В мире появился источник творческих замыслов, противоположных замыслу Божию, источник призрачный сам по себе по причине своей причастности к небытию, но реальный благодаря свободной воле человека и присутствию в нем образа Творца.

Изменился сам повод к творческой деятельности человека, это изменение произошло по причине невозможности непосредственного созерцания, приобщения человека к Красоте и Гармонии. В мире падшем повод для возникновения «культурной инициативы» отличался по существу от такового же в мире до грехопадения. Подобно тому, как поют ангелы на небе пред престолом Вседержителя, поют и певчие в храме. Но пение первых есть естественная реакция на созерцание Творца, а пение последних вызвано желанием и одновременной невозможностью подобного созерцания. В одном случае «уста глаголют» от преизбытка благодати, в другом от переживания ее отсутствия и желания приобщения ей.

Не имея возможности непосредственного приобщения к Гармонии и Красоте, человек из подручного материала начал создавать нечто, в чем угадывал частички и элементы Ее, так как влечение и стремление к Гармонии и Красоте онтологически присуще человеческому естеству. Но с искажением воли человека изменился и вектор его устремлений. Возможности приобщения к нетварным энергиям и благодати человек предпочитает существование среди «красот» и «великолепий» своих соб-

ственных творений: несоизмеримость таких образов бытия при этом осознается, но в процессе самообмана, необходимого для успокоения совести при отказе от Истины, объясняется и узаконивается несравненно более легким способом достижения результата.

Очевидно, что богоборческий путь подобного творчества является путем самообмана, самоуспокоения, и не зря деятельность по социальному и эстетическому благоустройству мира после грехопадения возглавили потомки Каина.

Построение городов взамен Эдемского сада, услаждение слуха пением и игрой на инструментах взамен слышания голоса Бога, создание различных орудий, помогающих облегчить наказание Божие, указывают на то, что каиниты целенаправленно обустроивались на земле, не особенно раскаиваясь в отступлении от Бога и изыскивая новые, индивидуальные (то есть отличные от Божественного замысла) формы и сферы реализации заложенных в человека при творении дарований.

Видимо, с точки зрения развития цивилизации подобная деятельность каинитов приносила наибольший результат при наименьших духовных затратах, так как заглушала зов души в Божественном направлении, напоминая о необходимости аскетического образа жизни, в первую очередь жизни внутренней, духовной, и одновременно позволяла упрочить свое положение на земле в сравнении с другими народами.

ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО КУЛЬТУРНОГО ОБМЕНА

Глава 3

Для постройки Вавилонской башни требовалось объединение народов, а, поскольку хозяевами Вавилона и опытными строителями городов (Быт. 10: 8-12) являлись потомки Хама, проклятые Богом за грех отца, они могли использовать эти факторы для объединения всех народов под своей властью.

Вавилонская башня

Такое объединение привело бы людей к «единомыслию зла» (Прем. 10:5) и послужило бы развитию в человеке самых низших влечений. Причиной этого явилось бы одно из последствий грехопадения: утрата дара непосредственного восприятия ми-

ра человеком и замещение этого дара восприятием через язык, который «является промежуточным миром, существующим между миром объективной реальности и миром души человека – человек созерцает мир только через призму своего языка». После грехопадения человек был обречен на «медленное продвижение по пути рассудочного познания».

Понятия, которые используют люди для понимания друг друга, являются словесными выражениями опыта познания окружающего человека пространства, включающего в себя и других людей. Язык, следовательно, замкнут в этом пространстве, ограничен им, не способен передать то, что выходит за рамки имеющегося опыта. Если человек и выходит за рамки обозначенного языкового закона и, благодаря своему духовному развитию, становится способным воспринимать информацию о мире непосредственно через приобщение Божественной благодати, он все равно остается неспособным передать опыт, накопленный посредством подобного восприятия, другим людям.

Архитектор, к примеру, может создать проект здания потому, что он видит мир через призму геометрии, через уже произнесенные определенные тексты: человек неизбежно видит мир как некоторый текст. Но такой способ видения мира оказывается эффективным до того момента, пока человек не столкнется с живым, а тем более одухотворенным, существом: если рассудочным действием разобрать на составные понятийные категории живой организм, он перестанет быть живым. Ис-

тинное и живое до конца невыразимо в словах, а потому все философские системы и формулировки, пытающиеся говорить об истинном и живом, условны. Диалектически истина неизбежно изображается в искаженном виде...

Люди, глядящие на мир только через призму осуществленного речения языка, не способны уловить живое. Мир даже по грехопадению человека является в самой своей глубине органичным и потому его нельзя полноценно воспринимать, пользуясь только понятиями формально логичного расчленяющего языка. И именно к такому опыту познания и освоения мира, видимо, вплотную приблизились потомки Хама, судя по их духовному состоянию, позволившему предпринять уже известную истории попытку стать «как боги» (Быт. 3:5) и «сделать себе имя» (Быт. 11:4), осуществив грандиозное строительство «города и башни, высотой до небес» (Быт. 11:4).

Являясь «формой существования и выражения мышления, язык в то же время играет существенную роль в формировании сознания. При этом он остается относительно самостоятельным, обладает специфическими законами, отличными от законов мышления. Это приводит к тому, что не существует тождества между понятием и словом, суждением и предложением и так далее». К тому же «язык представляет собой определенную систему со своей внутренней организацией, вне которой нельзя понять природу и значение языкового знака».

Само развитие языка происходит по мере сокращения его речевых конструкций. Эти конструкции, многократно повторяющиеся в сознании человека, становятся привычными и при разговоре не произносятся, но подразумеваются. На поверхности языка остается только малая их часть, являющаяся лишь намеком на происходящее в подсознании. Люди понимают высказывания друг друга при условии, что в подсознании каждого из них разворачивается один и тот же процесс, порождающий слова. В зависимости от состояния общества, его идеологии, движущих им сил изменяется смысловое наполнение слов и речевых конструкции: происходит взаимное влияние мировоззрения, образа жизни людей и их языка. Процесс этот характеризуется определенной инертностью: субъекты могут подразумевать различные денотаты, но присваивать им одно и то же имя до тех пор, пока не произойдет изменение в сознании одного из субъектов, либо обоих вместе, либо языка. Очевидно, что культура хамитов, развившаяся в направлении построения New-Эдемского «города и башни, высотой до небес» на земле, оказала серьезное влияние и на язык этого народа. Именно внутреннее содержание языка, его религиозный смысловой подтекст подвергся искажению или полному уничтожению.

Неповрежденное сознание Адама позволяло ему присваивать имена прочей живой твари, проникая в сущности вещей и создавая язык, адекватно отражающий роль твари в мире в контексте Божественного замысла о ней. Ориентация хамитов на жизнь вне Бога неизбежно оказала влияние на их язык и через язык могла привести к изменению мировоззрения прочих народов, что становилось весьма возмож-

ным в контексте задуманного всенародного строительства Вавилонской башни. Низшее грозило лишить будущего высшее. Восприятие хамитского «образа речи, а значит, и мысли, и поведения резко бы сузило возможный спектр духовных и иных поисков. На много поколений вперед человеческое общество осталось бы одним и тем же и не могло бы испытывать иных возможностей речи о мире, а значит, – понимания мира и жизни в мире. Человечество заостенело бы в самопоклонении, в отказе от стремления к тому, что выше человека (а лишь стремление к более высокому, чем он сам, и может возвысить человека)».

Итак, утрата человечеством единого языка обусловила культурную революцию – становление многообразия в мире культуры.

Но неверно было бы заявить, что для того Бог и сошел на сennaарскую равнину и смешал язык «сынов человеческих» (Быт. 11:2-7), чтобы эту культурную революцию инициировать. Не желанием способствовать развитию культуры были вызваны действия Бога, а тем, что сennaаритское объединение человечества оказалось препятствием осуществлению Божественного замысла о спасении людей из под власти греха и смерти. Последующее же за расселением народов «по всей земле» (Быт. 11:8) развитие многообразных форм культуры явилось лишь побочным следствием предпринятых Богом действий по спасению людей от смерти в вечности.

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ КУЛЬТУРЫ

«Одна лишь нужда создает искусство.»

Феокрит

Одним из первых следствий грехопадения явился раскол, случившийся собственно в человеке, – раскол душевного чувства и ума, который наглядно иллюстрирует попытка Адама спрятаться от Бога под кустом – вряд ли ее можно назвать мудрым поступком.

Бог стал чужим для человека. И теперь человек, лишившийся глубокого и личного опыта «мистического богопознания», станет создавать «богословие». Тому, кто потерял Бога, нужно теперь усваивать знание о Боге. Речь о Боге рождается как замена речи к Богу. Если бы люди могли непосредственно созерцать Бога – культурные учреждения в виде богословских факультетов были бы не нужны. Но, не видя Лица Божия непосредственно, человек создает Его образы (богословские, иконографические). Это и есть собственно культурное творчество – создание системы образов для частичного постижения первичной реальности.

Человек стал до некоторой степени чуждым себе. Именно поэтому самопознание впоследствии стало одной из важнейших задач культуры.

Но грехопадение породило еще одну пустоту, еще один разрыв – взаимоотноужденность людей. И эту пустоту люди на протяжении многого времени также пытаются скрепить пространством культуры.

Чтобы научить людей взаимопониманию и мирному сосуществованию, создаются правила этикета и общественные законы, слова и книги. Но, не смотря на всевозможные ухищрения, всякое общение людей стремится перерости за язык, за границы речи (художественной, музыкальной, философской и т.п.): по-настоящему близкими чувствуют друг друга те люди, которые могут вместе молчать, передавая свои мысли и ощущения от сердца к сердцу, минуя уста, минуя культуру.

Именно из проблем взаимопонимания, являющихся следствием греха, рождается культура как сложное искусство передачи понятий, обращенное к другим. Человек создает вторичный мир, мир образов именно потому, что его умное зрение, позволяющее непосредственно постигать суть вещей, ослабело. Если бы люди могли понимать друг друга от сердца к сердцу – им не нужна была бы культура. Но это умение, предполагающее «непосредственное созерцание логосов и причин сущих» осталось по ту сторону грехопадения.

Теперь недостаток «логосного» зрения восполняется словами.

Каждый человек знает, что бытие полнее наших слов о нем. Культура создает слова о бытии, затем эти слова она затирает до штампов и ищет новые слова и образы, чтобы вернуть значение прежним. Культура отражает сокровенный внутренний или внешний мир человека и тем самым удваивает его. Это значит, что бытие, настоящее само по себе бескультурно, и именно поэтому даже индифферентные к поиску истины люди, активно действующие в пространстве культуры, невольно и, быть может, неосознанно ставят своей задачей выйти за рамки культуры, прорваться к самому «лону бытия».

Самое важное, вообще совершается вне мира культуры. Есть культурные символы, сопровождающие создание семьи. Но рождение ребенка слишком серьезно и поэтому превосходит рамки любой культуры. Культура может сколько угодно думать, говорить или молчать о тайне смерти, но сама смерть останется вне культуры. Человек может написать работу на тему «Орфографические особенности Новгородских Евангелий XIV века» – и при этом забыть, что кроме «орфографических особенностей» есть Сам Христос и к Нему можно обратиться прямо и «на Ты».

ДВЕ СТОРОНЫ ОДНОЙ КУЛЬТУРЫ

Глава 4

«Говоря о полезности или не полезности культуры, необходимо учитывать разные стороны вопроса: можно, к примеру, говорить о том, как прекрасна культура сама по себе, а можно сурово изобличать искушения культурупоклонства».

«Все искусства
состоят в исследовании истины».

Цицерон

«Искусства смягчают нравы».

Овидий

«Искусства полезны лишь в том случае,
если они развивают ум, а не отвлекают его».

Сенека Младший

«Каждая сожженная книга освещает мир».

Р. Эмерсон

«Всякое искусство совершенно бесполезно».

Оскар Уайльд

АПОЛОГЕТИКА КУЛЬТУРЫ

В своей молитве к Богу Отцу Господь Иисус Христос не говорил об удалении верующих в Него из мира культуры, но просил об избавлении от пагубных ее течений и направлений: **«Не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла»** (Ин. 17:15). Культура, как формирование мира образов, отражений, мира вторичного, свидетельствует о конфликте с миром первоначальным, созданным Творцом. Но даже о сверхчеловеческом мире люди, как правило, вынуждены узнавать от людей, а потому религия самого небесного происхождения нуждается в земных, культурных способах и механизмах своей передачи. Если для возвращения в горний мир человеку необходимо воспользоваться системой понятий, образов и представлений, ему необходимо уметь жить в культуре, уметь пользоваться культурой и уметь создавать культуру.

Действительно, восприятие человеком мира через пространство культуры является следствием грехопадения, а человек находится в рабстве этого пространства. Но мир культуры исчезнет только в огне Второго Пришествия, когда мы увидим Истину лицом к лицу. Следовательно, неправомерно ставить вопрос о том, полезно или неполезно человеку в своей земной жизни соприкоснуться с миром культуры, — необходимо решить, как человек должен соприкоснуться с ним.

Лучше, если в среде людей творческих, поэтов, художников и писателей будет больше христиан. Дело в том, что культурой уже злоупотребили, ее уже испортили и продолжают портить независимо от того, участвуют христиане в этом или нет. Быть может, некоторые христиане даже обязаны заниматься культурой уже потому, что они хотя бы не будут ее размывать мертвящими водами современных культурных «инициатив», станут некоторым «противоядием». Христиане, созидавая культуру, могут формировать определенные эстетические ценности общества, так как культурные воззрения людей духовных глубже, разнообразней и чище, чем взгляды обычных людей (что, конечно же, не всегда является собственной заслугой христиан).

Художник-христианин стремится решить посредством своего произведения некую задачу, которая всегда осознается им, а именно — стремится помочь себе и окружающим стать выше, чище, приобщеннее Небу.

Все уроки, которые мы извлекаем из искусства, мы в него влагаем. Искусство – ряд ответов, к которым нет вопросов. Все искусство – одна данность ответа». Очевидно, что плодотворнее будет извлекать из искусства уроки христианства – для этого надо и наполнить его христианской проблематикой.

На протяжении веков Церковь занимается выработкой механизмов ограждения человека от посягательств мира на его, хотя и относительную после грехопадения, внутреннюю целостность. Догматические правила, выработанные Православием, не ограничивают свободу мысли, но пресекают беспочвенные фантазирования, могущие увести человека за пределы, свойственные его естеству, то есть в дурную бесконечность, на языке Евангелия, «тьму внешнюю» (Мф. 8:12).

Наполнение мира культуры христианскими ценностями уже само по себе позволит существенно сузить пределы блуждания человеческого ума в лабиринтах «страны далеча» (Лк. 15:13).

Культура не поднимет человека над природой, но позволяет человеку подвести свою душу к тому рубежу, за которым начинается область действия духа. Причем наполнение произведений искусства собственно религиозными мотивами для этого вовсе не обязательно: самые сокровенные, совершенные и значимые качества человека могут быть увидены только через христианскую традицию покаяния и всматривания в сердечную глубину. Однажды Г. Федотов назвал «Капитанскую

дочку» позднего Пушкина самым христианским произведением русской литературы, хотя религиозная составляющая в этой повести почти незаметна. Так что, христианская культура – не обязательно та, которая прямо говорит или рассуждает о Христе.

Достаточно уже того, что для художника-христианина не человек есть мера всех вещей. И не собственное «Я» есть то, чем он непременно должен поделиться с читателями, зрителями, слушателями. И наконец, он не станет заниматься тем, что давно стало нормой в мире искусства: выбрасывать собственную душевную грязь на окружающих.

Искусство конца XX века напрочь забыло старое правило, что грязное можно отмыть только в чистой воде, что грязной водой не отмоешь то, что уже выпачкано: «описаниями, демонстрацией порока никогда не излечишь того, кто уже пребывает порочным»

Итак, христиане, действуя в пространстве культуры, могут придавать искусству направление создания произведений, призванных «разбудить» человека, поставить перед ним вечные вопросы, даже подвести его к некоему порогу, за которым начинается духовная жизнь.

В светском искусстве подлинная духовность невозможна, так как искусство духовное – это молитва, сама жизнь человека во Христе, но от светского искусства это и не требуется. Хорошо, если его цели и задачи будут находиться в границах возвышения человеческой души, как бы возделывания и приготовления ее для принятия семян духовных.

Появлению таких выдающихся имен в мире православного богословия как святитель Василий Великий, святитель Григорий Богослов и святитель Иоанн Златоуст мы отчасти обязаны тем языческим школам, в которых они обучались внешней мудрости.

Сам святой Василий Великий говорит о факте своего знакомства с миром языческой культуры в Афинской Академии следующее: «Конечно, собственное превосходство дерева – изобиловать зрелыми плодами, но оно носит на себе и некоторое украшение – листья, колеблющиеся на ветвях: так и в душе истина есть преимущественный плод, но не лишено приятности и то, если душа облечена внешней мудростью, как листьями, которые служат покровом плоду и производят приличный вид.

Почему говорится, что и тот славный Моисей, которого имя за мудрость у всех людей было велико, сперва упражнял себя египетскими науками, а потом приступил к созерцанию Сущего.

А подобно ему, и в позднейшие времена о премудром Данииле повествуется, что он в Вавилоне изучал халдейскую мудрость, а затем уже коснулся Божественных уроков». Аналогичное отношение к языческой культуре имеет место и у других Отцов и учителей Церкви, например, Оригена: «Утверждаем, что человеческая мудрость служит упражнением для души, но целью – Божественная».

Святой Василий, однако, упоминал о характере временной необходимости полученных в Академии знаний. В зрелом возрасте, уже будучи епископом, он сообщал в письме своему бывшему учителю, профессору и тогдашнему светилу красноречия Ливанию, что бросил уже занятия изящной классической литературой и сменил их на «более достойные»: «Я теперь беседую с Моисеем, с Илиею и с подобными им блаженными мужами, которые пересказывают мне свои мысли на грубом языке: и что у них занял, то и говорю. Все это верно по мыслям, но не обделано по слогу, как видно и из сего самого письма. Ибо если и выучился я чему у Вас, то забылось это со временем».

На основании приведенных святоотеческих высказываний можно сделать вывод о необходимости четкого и строгого разграничения духовного и душевного: приобретая познания в области культуры можно «возделывать» душу, а можно воспитывать «художественный вкус». Первое способствует формированию в человеке добродетелей, последнее создает видимость таковых...

Пространство культуры можно рассматривать как житницу или склад лучших душевных ценностей. Сами по себе человека они не спасают, но для души его могут стать предвосхищением, прообразом ценностей духовных. Шедевры душевной красоты «подобны Царствию, как естественная любовь – добродетели милосердия, честь – духовной силе, луна – солнцу. Это лучше, много лучше, чем душевная пустота. Для одних они – доброе начало, для других – ничто.

Культура не всех ведет в небесный Иерусалим и многих от него уводит». Опасность последнего действительно чрезвычайно велика, потому, что «искусство – искус, может быть, самый последний, самый тонкий, самый неодолимый соблазн земли.

Это третье царство со своими законами, из которого мы так редко спасаемся в высшее, и как часто – в низшее! Между небом и адом искусство – «чистилище», из которого никто не хочет в рай».

Здесь уже приходится руководствоваться принципом апостола Павла: «для чистых все чисто; а для оскверненных и неверных нет ничего чистого, но осквернены и ум их, и совесть» (Титу 1:15), потому, что отказываться от культуры как «детоводителя ко Христу» (Гал. 3:24) нет оснований: некоторых культура помогает привести к Богу. «Не всех, конечно, – есть другой путь, он короче и верней. По нему шли тысячи простых душ, но начинали они оттуда, куда нам еще надо прийти».

В наши дни очень трудно обратить необразованного (точнее – перекошено образованного) человека, потому что ему все нипочем. Популярная наука, имидж (или «нарушение имиджа») его узкого круга, рекламные штампы и тому подобные мифологемы заключили человека в темницу искусственного мира, который он считает единственно возможным. Для него нет тайн: он все «знает». Человек же культурный постоянно сталкивается с тем, что мир очень сложен и что окончательная истина, какой бы она ни была, обязана быть неожиданной и требующей труда для восприятия. Все же, будучи подготовленным войти в Церковь легче.

Нужна ли культура тому, кто уже обратился? Да, наверное. Во-первых, «культура рождена болезнью человечества. Это очки, которые не нужны здоровым глазам. Но сорвать с близорукого очки и растоптать их под тем предлогом, что здоровый человек не нуждается в очках, было бы медвежьей услугой. Если человек идет на костылях, то он, очевидно, не здоров. Но сломать их – немилосердно.

Культура и есть те костыли, в которых нуждается наша душа, их можно отбросить только по выздоровлении.

В Эдеме культуры не было, и в Небесном Иерусалиме ее не будет. Но мы не находимся ни там, ни там. Пока мы не вполне вошли в Царство Отца – костыли нам нужны. Поэтому Церковь, возвещая цель человеческого странствия, бесконечно возвышающуюся над миром культурных достижений и ценностей, все же никогда

не становилась культуро-ненавистническим движением. Через мегафоны культуры мы лучше слышим друг друга. Через ее трансформаторы мы яснее познаем мир; и репродукторы культуры же порой впервые доносят до человека весть о действительном Творце. Эта техника порой страшно «фонит». Но лишь очень немногие могут лучше слышать вообще без нее.»

Во-вторых, «не все призваны к чисто созерцательной жизни. Многие славят Бога делами. Если наша работа может быть безвредной и даже полезной, мы вправе делать ее во славу Божию. Тот, кто убирает комнату, и тот, кто пишет стихи, одинаково и на одном условии служат Господу.»

В-третьих культура способна дать некоторое развлечение в моменты духовного ослабления, она может увести душу от радикально душепагубного к предметам, достойным существа разумного. Одной из возможностей культуры является, например, та, что она может подарить людям радость.

Способность человека радоваться – качество, сообщенное душе Творцом.

Греховно радостное переживание лишь тогда, когда мы ради него поступились нравственностью, нарушаем законы, также данные Богом.

Мир культуры сам по себе такой цены не требует, хотя за моменты эстетического наслаждения временами и платят такой ценой.

